

СТР.14-17

**ЕЩЕ РАЗ
ПРО ЛЮБОВЬ**

СТР.9-11

**ЧТОБ НИКОГДА НЕ
СОЙТИ СО СЦЕНЫ**

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

№5 (295)
ФЕВРАЛЬ 2026

СТР.6-7

**ДВАЖДЫ НЕ
УДЕРЖАЛИСЬ...**

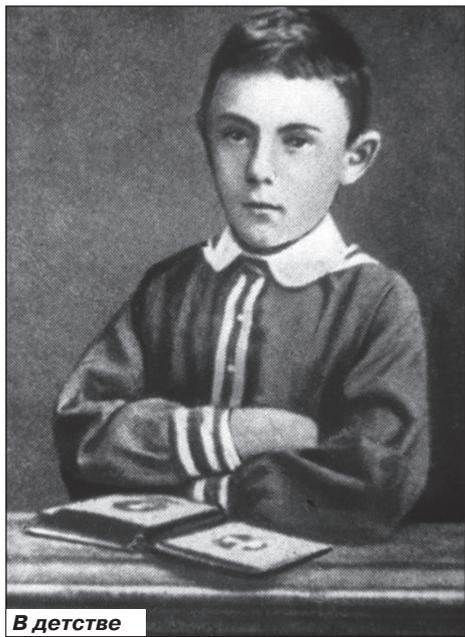
СТР.4-5

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ КВН...

**«ПЧЕЛЫ -
СУПЕРГЕРОИ»**

СТР.8

В детстве

Геннадий Норд

Конец декабря 1939 года. По Лаврушинскому переулку идет красивая пара. Это учителя школы рабочей молодежи Валерия Лиорко и Евгений Птицын. Идут в Третьяковку. Проходят мимо огромного дома, только что отстроенного напротив галереи.

- Что это за дом? Его выстроили художникам? - спрашивает учительница у спутника.

- Я слышал, что это дом для писателей, - отвечает он.

Валерия позже опишет свои впечатления от того момента:

«Еще были совсем прозрачные и голубые сумерки, но дом уже горел по всем окнам яркими огнями. Там шла какая-то своя, таинственная, богатая и, конечно, совсем не похожая на нашу жизнь».

- В этом доме мне не жить, - вздохнула учительница.

- Как знать! Жизнь щедрее нашего воображения, - засмеялся Птицын.

И они вошли в галерею.

А в доме этом как раз в тот декабрь на шестом этаже тосковал писатель Михаил Михайлович Пришвин. Тосковал от одиночества, от невозможности обменяться с кем-то близким по духу мыслями, ощущениями, чувствами.

28 декабря он пишет в дневнике:

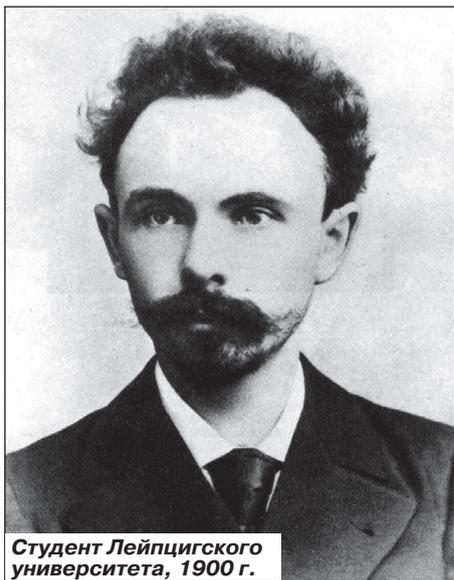
«Тоска, тоска грызет в 67 лет пуще, чем в юности».

А по поводу жизни своей в доме, в котором глазами Валерии идет «таинственная, богатая жизнь», Пришвин де-

Миша Пришвин с родителями

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Студент Лейпцигского университета, 1900 г.

Варвара Измалкова - первая любовь Пришвина

лает запись:

«Вот у меня прекрасная квартира, но я в ней как в гостинице. Вчера Федин позвонил мне и с удивлением сказал:

- Я сейчас только узнал, что вы живете со мной в одном доме.

- И целый год, - сказал я.

- Целый год! - повторил он».

Ни Валерия, ни Михаил Михайлович не знали, что в 1940 году они встретятся, полюбят друг друга и будут жить вместе в знаменитом доме по Лаврушинскому переулку. Прав оказался Птицын: жизнь щедрее воображения.

Самое главное произведение писателя Пришвина - его дневники. Это громадный труд всей его жизни, уместившийся в 19 томов. Уникальный документ. В дневниках отражена история России первой половины XX века, история русского человека. И история любви. Любви отведено в дневнике не меньше букв, чем природе - главной теме творчества Пришвина.

Юношей Пришвин влюбился в Варю Измалкову. Они встретились в 1902 году в Париже. Она - студентка Сорбонны. Он только что отсидел срок за революционную деятельность и отправился за границу, чтобы завершить образование. Варвара из старинного дворянского рода, ее отец - крупный петербургский чиновник. Девушка окончила Смольный институт, и родители отправили ее в Сорбонну.

Пришвин влюбился в Варю с первого взгляда, пылко признался в любви. Она была холодна. И сказала ему решительное: «Нет».

Для него это стало трагедией. Варвара навсегда исчезла из его жизни, но не из сердца. Встреча с ней была одним из главных событий в жизни Пришвина. Он именовал ее «утренней звездой», своей радостью и своим горем. Любовь к ней называл «смертельной».

Пришвин пронес любовь к Варе Измалковой через всю жизнь. В дневнике за любой год обязательно есть несколько записей о любви к Варе. Запись 1931 года:

«Как великие однолюбы, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне. Я понял, что моя «она» у настоящих поэтов называется Музой».

Запись от 28 августа 1935 года:

«Давно я не видел таких снов - откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась».

Запись 1944 года:

«Вернулся, читая о Гёте, к своей первой любви, к тому особенному чувству, в котором как бы предусмотрен отказ. Это любовь поэтического эгоиста, бессозна-

Валерия с матерью, Натальей Аркадьевной, и Ивановым-Разумником, Тяжино, апрель 1940 г., фото М.Пришвина

тельно отнимающего от возлюбленной душу».

Пришвин был уверен: именно любовь к Варе сделала его писателем, вдохнула в него поэтический дар.

Женился Пришвин на простой крестьянке из Смоленской губернии - Ефросинье Павловне Смогалёвой. Почти девочкой ее насильно выдали замуж за сына кулака. Как она вспоминала, «муж был пьяница и безобразник. Он бил меня без вины, жизнь была - сплошная мука».

Ефросинья сбежала от мужа. В 1903 году очутилась в подмосковном Клину. А там в то время служил агрономом Пришвин. Ему понадобилась прислуга. Знакомые посоветовали Ефросинью. Пришла она к нему. Пришвин оценивающе поглядел на нее и сказал:

- Женщина красивая, молодая, как бы солдаты не стали к тебе ходить.

Но всё же взял ее. А дальше просто: плотская любовь, совместная жизнь. Рождение ребенка. Рождение второго ребенка.

- Мы сошлись сначала просто. Потом мне начала нравиться простота ее души, ее привязанность, - вспоминал Пришвин. - Мне кажется, что ребенок облагораживал наш союз, что союз наш может превратиться в семью.

Пришвин не женился, а именно сошелся с Ефросиньей Павловной. Жениться тогда он и не мог - она ведь была замужем. Пришвин писал книги, путешествовал, участвовал в литературной жизни, но с горечью отмечал, что в своей семье он на обочине.

Не превратился союз в семью. Разные они были - по интеллекту, по интересам, по кругу общения, по занятиям. Чужие друг другу. На страницах дневника Пришвин редко упоминает жену. А если упоминает, то по чисто бытовым темам, а других и не находилось в их отношениях. Ну, не обсуждать же с неграмотной литературой, искусство, политику - для нее это пустые, ничего не значащие понятия. Не нашлось у него для жены ласковых слов, ласкового имени, даже Фросей не называл - в дневнике она обозначена как «Е.П.», или «Ефр. Павл.», или «Павловна».

Павловна умела дергать его за нервы. Запись от 1914 года:

«Семейные сцены проносятся как ураганы. Жизнь трещит по швам. Но надо терпеть».

И терпел он еще два десятка лет. Ефросинья Павловна была по-свое-

му мудра. Иногда ее замечания по-крестьянски точны. Например, Пришвин рассказал ей, что власть продает по дешевке картины Рембрандта из Эрмитажа, чтобы получить валюту для индустриализации.

- Народ навозный, всю красоту продадут, - ответила Павловна.

Раздражали они друг друга. Нет-нет у Пришвина да и прорвется это раздражение на страницах дневника. Да и для Павловны муж был в тягость. Однажды она в сердцах скажет:

- Мне бы надо было в бухгалтерши! Ах, дура я, дура! Была бы бухгалтершей, а теперь всю жизнь на тебя, на осла, даром истратила.

И в слезы. Она не видела в муже таланта, не видела в нем поэта, романтика, для нее он действительно был ослом, бездельником. Когда она принималась его пилить, у него билась мысль: подыскать себе где-нибудь в глуши дом, чтобы купить его и поселиться одному.

В середине 1920-х годов купил дом в

Сергиевом Посаде. Но всё равно пришлось жить там с постылой Павловной.

В дневнике 1930-1931 годов всё более часты записи об одиночестве. Жизнь с Ефросиньей стала невыносимой. Что ни запись, то крик души:

«Во всей красе Е.П. показала свой характер. Пришла тупая тоска», «Стало невозможно жить в Сергиеве...», «Надо уйти. Надо проститься, надо расстаться, не оскорбляя прошлого», «Отдать ей всё, пусть тут будет у нее царство».

Отдать-то Павловне дом в Сергиевом Посаде можно, но где жить самому?

И тут на Пришвина свалилась удача: ему дали квартиру в доме в Лаврушинском переулке, который специально строили для писателей. За то, чтобы получить ордер, в писательском союзе шла лютая драка. Пришвин не участвовал в ней - он вообще был далек от писательского сообщества, да и не было у него навыка интриговать. Дело дошло до того, что ордера распределял лично Сталин. И надо же: Пришвин был среди первых де-

Валерия Лиорко

сяти писателей, кого вождь оделил квартирой, в соседях у него - Константин Паустовский, Илья Ильф и Евгений Петров, Всеволод Вишневский, Илья Эренбург, Борис Пастернак, другие литературные знаменитости того времени.

Получил Пришвин квартиру о четырех комнатах, семья-то большая. Но в планах Михаила Михайловича не было намерения селить в Лаврушинском Павловну и сыновей. Да и как продолжать жить с постылой женой? Через несколько дней после того, как Пришвин получил ордер, он делает запись:

«Павловна точит меня день и ночь и не дает мне работать».

И что - брать точило с собой в Москву? Нет. Пришвин заключает с Павловной договор: он отдает ей дом в Сергиевом Посаде, себе берет квартиру. Она соглашается.

5 июля 1937 года он заносит в дневник: «С завтрашнего дня я начинаю одиночество».

Пришли ли к нему в одиночестве крепость и утешение? Нет.

«Вот желанная квартира, а жить не с кем. Один я. И думаешь не о работе, а о всех этих черепках».

Он бы так и умер одиноким, мучаясь от тоски, если бы не встреча в начале 1940 года.

Три года, как Пришвин живет один в московской квартире. Иногда наезжает в Сергиев Посад. С Павловной - дежурное общение. Но главная его жизнь в Москве. Так, незаметно, не причиняя никому ненужной боли и не подчеркивая отдаления, осуществляет старый писатель давно задуманное им одиночество.

Но тут происходит судьбоносная встреча! 16 января 1940 года Пришвин делает запись в дневнике:

«Минус 43° с ветром. Устроил «смотрины» (ее зовут Валерия Дмитриевна). Посмотрели на лицо, посмотрим на работу (19-го)».

Так появилась в его жизни Валерия Дмитриевна Лиорко, его будущая жена, верный друг и помощник. Его любовь.

А смотрины были вот по какому поводу. Пришвин перевез свой архив в квартиру в Лаврушинском, начал его разбирать, систематизировать и вскоре понял, что одному это не под силу. Масса материалов. К тому же он хотел, чтобы дневник был в машинописном виде, а печатать на машинке для него - мука. Старинный его знакомый Борис Удинцев находит для него Валерию Лиорко - ее тяготило учительство в заводской школе, хотелось творчества:

- И как страстная, тайная, невыполнимая мечта - найти по душе работу.

Пришвин в то время был всесоюзно знаменит, но, как ни странно, его книги прошли мимо внимания Валерии, а ведь она интересовалась литературой. Позже Лиорко напишет в воспоминаниях:

«Мой давний друг, Удинцев Борис Дмитриевич, зашел к маме и сказал, что он был по делам у писателя Пришвина и тот ищет себе сотрудника по изучению и приведению в порядок многолетних его дневников. Он ищет человека, которому можно довериться в наше время. Мой

Пришвин и Валерия, Тяжино, весна 1940 г.

Пришвин сидит на ступенях своего дома в Сергиево-Посаде. В шали на крыльце - Ефросинья Павловна, 1939 г.

Пришвин в Дунине

друг рекомендовал меня.

- Пришвин? - стала вспоминать я. И тут у меня перед глазами возник затрепанный томик: вспомнился олень с человеческими глазами... камень-сердце, дрожащий от морского прибое на берегу океана, как живое человеческое сердце, белое облако на небе, похожее на лебединую грудь... Больше я ничего не знала об этом человеке.

тельно.

- Надо же для такого дела стать друзьями, если приниматься за него, - сказала я.

- Будем говорить о деле, а не о дружбе, - безжалостно отрезал он.

Она ушла. А Пришвин говорит своему другу Иванову-Разумнику:

- Как-то из себя выпрыгивает. С места в карьер дружбу предлагает.

Пришвин и Валерия

- А какой он? - спросила я. - Годами почти старик, но очень бодрый, я бы сказал - молодежавый человек. Он не похож ни на кого, интересный, но непонятный.

И добавил: - Юродивый. И этим прикрывает богатство, опасное по своей самобытности в наше время».

Под богатством имелся в виду дневник. У Валерии сразу мысль:

«И хорошо, что он старый семейный человек, что на голодную душу я не запутаюсь вновь со своей женской податливостью».

Так Лиорко очутилась у Пришвина. Познакомилась. Она вспоминает о первой встрече:

«Автор "Жень-Шеня" откинул назад седую кудрявую голову и, коренастый, на редкость молодежавый для своих лет, выражал уверенность в себе и пренебрежение.

- Вот с чем вам придется работать, - сказал Пришвин, выдвигая огромный ящик секретера, набитого тетрадами. - Это документы моей жизни, и вы первая их прочтете.

- Но как же вы можете их доверить незнакомому человеку? - вырвалось у меня.

Пришвин смотрел на меня выжида-

Тем не менее, взял ее секретарем. И стала Валерия заниматься архивом. Запись в дневнике Пришвина от 24 января:

«Она сразу крепко взялась за работу, и можно быть уверенным, что архив будет приведен в блестящий порядок».

Но важно другое: как-то сразу они душевно и духовно поняли друг друга. Не могли наговориться. Запись от 25 января:

«Мы с ней пробеседовали без умолку с 4 часов до 11 часов. Что же это такое?»

А это любовь - вот что такое!

5 февраля Пришвин пишет Валерии письмо, в котором признается в своих чувствах:

«Мне бы хотелось любовь мою к Вам понять, как настоящую молодую любовь, самоотверженную и бесстрашную».

Она отвечает взаимностью. Объятия, поцелуи:

«Сколько надо переговорить, передумать, сколько должно смешаться, чтобы возможно было без стыда и по праву поцеловаться».

Дневник за 1940 год переполнен записями о любви, о Ляле - так Пришвин стал называть Валерию. Нередко целые страницы посвящены ей. Записи за 1940 год - это песнь любви, гимн любви, сказка о любви. В записях за год 444 раза

такая нужна!»

С Павловой в физической близости была рутина:

«Ни разу за 30 лет не поцеловал жену в губы со страстью, ни одной ночи не проспал с ней и ни одного часу не провел с ней в постели: всегда на 5 минут - и бежать».

Не то с Валерией!

«Ночь любви, на которую не всякого и молодого-то хватит, дала мне только счастье, и утром я встал бодрый, бесконечно преданный своей подруге».

А Михаилу Михайловичу, между прочим, 67 лет. Ей - 40.

Каждое 16 января - день, когда они впервые увиделись, - Пришвин будет отмечать запись в дневнике как главную веху на их общем жизненном пути. Запись 16 января последнего года его жизни - 1953-го:

«День нашей встречи с Л., за нами осталось 13 лет нашего счастья. И теперь вся моя рассеянная жизнь собралась и заключилась в пределах этих лет. Всякое событие, всякое сильное впечатление теперь определяется как бегущие сюда потоки».

Они готовились встретить «свой день» 1954 года, но именно 16 января Пришвин скончался.

Прознала Павловна, что у мужа появилась подруга. И решила действовать. Как это так: он - с молодой, а она - коротай старость в одиночестве? Не бывать этому! И отправилась в Москву. Пришвин излагает сюжет:

«Узнав стороной, что я в Москве живу с какой-то женщиной, Павловна возмутилась, созвала сыновей и сумела убедить их, что я в отношении ее являюсь преступником. В самый разгар моей литературной работы она явилась в Москву, заняла "жилплощадь" и своими истерическими выходками с утра до ночи, с постоянными угрозами повеситься, сразу же прервала мою литературную работу».

В Валерии Павловна видела не только коварную разлучницу, но и хитрую бестию, которая хочет довести старика до смерти и завладеть его жилплощадью. Понятно, в этих условиях появляться Валерии в Лаврушинском было противопоказано. Павловна умела закатывать скандалы. Да к тому же представилась больной, кричала:

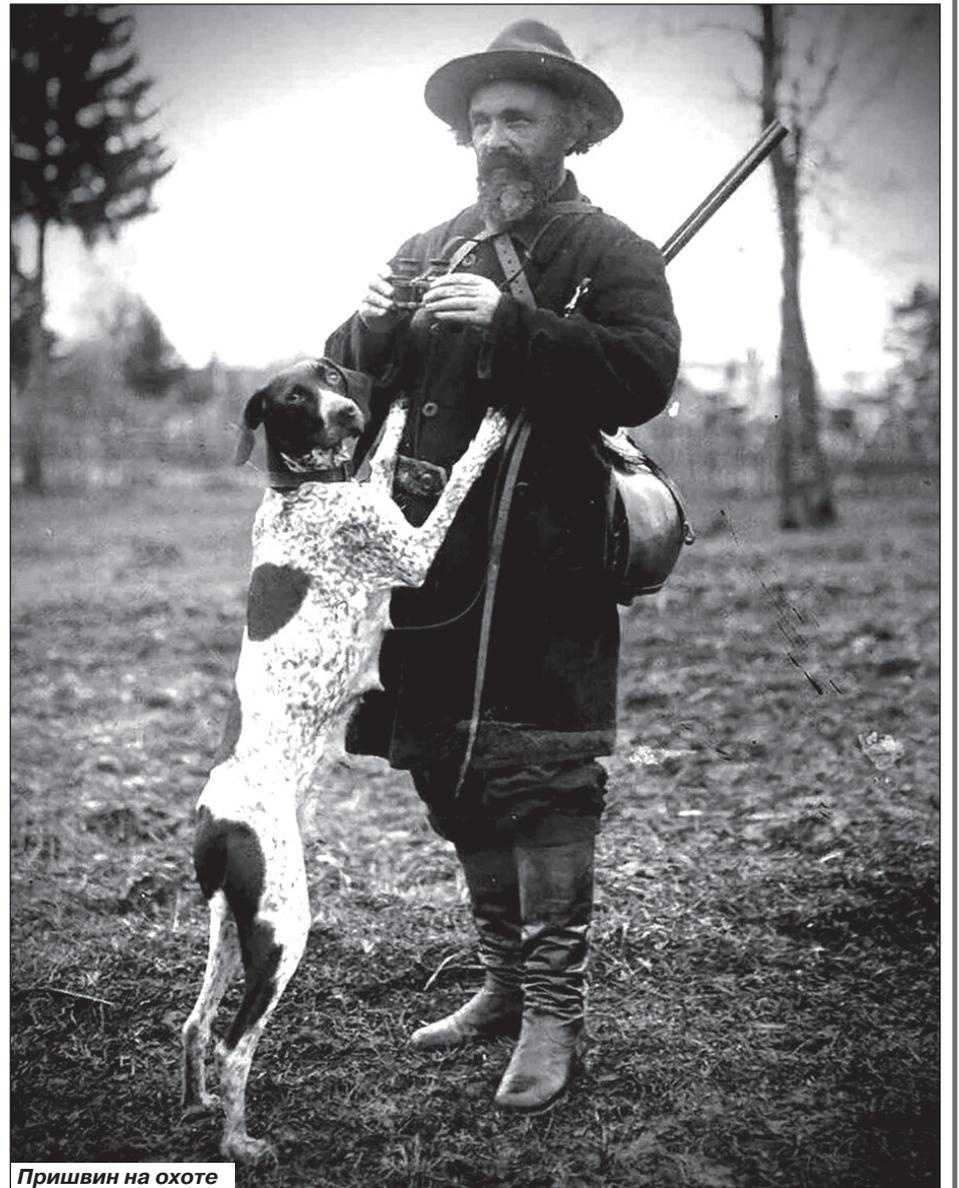
- Из этой комнаты никуда не уеду, я

встречается слово «любовь» и 87 раз - «люблю». Иной раз впечатление, будто читаешь дневник 17-летнего юнца, который страстно полюбил и не соображает, что он и где он. Через двенадцать лет Пришвин трезво взглянул на те страницы:

«В записях 1940 года есть что-то тяжелое и нудное: мы тогда не летели, не плыли, а делали сами новую жизнь, и дневники того времени иллюстрируют любовь как дело жизни, но никак не любовь-песню».

8 марта Пришвин делает запись:

«Ее задушевная мысль - это поэтическое оформление эротических отношений, что для выполнения акта любви нужен тот же талант, как для поэмы. На свете мало таких озорниц, и как раз мне

Пришвин на охоте

Кабинет Пришвина в доме в Лаврушинском переулке

больна, пусть лечит, в советском государстве нет закона, чтобы бросить больную жену.

Писатель устроил ей осмотр у лучших врачей. Они ничего не находили у Павловны, кроме истерики. Предложил ей путевку в кремлевский санаторий, чтобы нервы успокоить - отказалась.

У Пришвина было действительно рабо-

ловной, поговорить с ней и сыновьями, убедить их по-хорошему решить дело. Он пишет Чивилиеву:

«Я рассуждал так, что Е.П., старая женщина под 60 лет, с которой я уже давно не могу состоять в брачных отношениях».

И предложил такой вариант выхода из ситуации: она отказывается от претензий на жилплощадь в Лаврушинском,

и прожили Михаил Михайлович и Валерия в любви и согласии тринадцать лет, до самой смерти писателя. Пришвин записывает 25 января 1947 года:

«С приходом Ляли я впервые почувствовал ту любовь, которой все люди живут и о которой только и написаны все трагедии и драмы, от классической древности до Шекспира и до нас, любовь как двигатель человеческой нравственности, поведения».

Он нашел в Валерии не только жену, но и единомышленника. Валерия Дмитриевна тонко понимала его творчество и его натуру.

Я употребил слово «согласие» как характеристику их совместной жизни, но

согласие совсем не означает, что они жили без ссор и обид. Всякое случалось. И у него, и у нее характеры непросты. Наталья Аркадьевна, мать Валерии, предупредила Пришвина:

- Она очень трудная, и ее надо перетерпеть, нельзя давать ей воли и нельзя ей не доверять.

Между Валерией и Пришвиным шел нескончаемый диалог, они постигали друг друга вплоть до его смерти.

После смерти Пришвина Валерия Дмитриевна работала с его архивом, написала о нем, об их совместной жизни несколько книг, главная среди них - обжигающая откровенностью «Мы с тобой. Дневник любви». Она подготовила два собрания сочинений писателя. Благодаря ей был создан музей Пришвина в Дунине, который и до сего дня привлекает людей.

Валерия Дмитриевна готовила к печати дневники Пришвина, хотя прекрасно понимала, что шансы на издание нулевые - откровенного мнения о себе советская власть не терпела.

И лишь в новые времена дневник издан в полном объеме. Но Валерия Дмитриевна не увидела этого, она умерла в 1979 году, прожив ровно столько же, сколько и Пришвин - 80 лет.

Вход в музей Пришвина в Дунине

ты выше головы - по договору должен написать две книги. А тут Павловна мотает нервы - не до работы. Пришлось расторгнуть договоры и вернуть аванс.

Писатель встречался с Валерией, они обсуждали, что предпринять. А что тут предпримешь? Мелькнула даже мысль:

«Купить где-нибудь в Бронницах домик и жить в нем с Лялей. Тогда борьба за квартиру станет вообще чепухой».

Глупая мысль, отбросили ее. Решили так: он разводится с Павловной через ЗАГС, а потом они, Пришвин и Валерия, оформят свой брак.

Пришвин заговорил с Павловной о расторжении брака, она в крик:

- Никогда!

Сыновья вступились за мать, пригрозили:

- Мы твою женку от тебя через НКВД оторвем.

Угроза по тем временам нешуточная. Опасность в том, что Валерия по облыжному доносу провела три года в ссылке. Потом-то обвинение с нее было снято, но новый донос мог существенно усложнить жизнь. Но всё же разум не покинул братьев, не подключили НКВД.

Пришвин попросил Федора Чивилиева, своего друга еще с гимназических времен, который был хорошо знаком с Пав-

возвращается в Сергиев, он обязуется выплачивать ей ежемесячно 500 рублей - сумму немалую по тем временам, столько получал квалифицированный инженер. Если же по-плохому - то через суд. Пишет:

«При отказе от моего предложения я вынужден буду действовать официально, и готовлюсь выпить эту горькую чашу решительно, и в отстаивании свободы личности быть безжалостным и беспощадным».

Павловна вернулась в Сергиев Посад. Сообразила, что совместной жизни всё равно не будет, а получать ежемесячно 500 рублей очень даже неплохо.

У Пришвина остались в доме кое-какие вещи, книги. Он посылает со знакомой записку бывшей жене:

«Дорогая Ефросинья Павловна, пришли мне, пожалуйста, с Марьей Васильевной словарь Даля, необходимый мне для работы. Этот словарь Великорусского языка состоит из толстых переплетенных томов и стоял за стеклом в шкафике в моем кабинете. Еще прошу прислать золотые книжки: английский перевод «Жень-шеня». Они мне нужны».

А через день запись в дневнике: «Ефр. Павл. книг не дала, и Мар. Вас. привезла от нее только новые угрозы».

Могила Михаила Пришвина на Введенском кладбище Москвы